

Анна Денира

**У ЧЕРТА
НА ПОБЕГУШКАХ**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Д33

Д33 **Денира А.**
У черта на побегушках / Анна Денира – М.: Литнет, 2025. – 214 с.

ISBN 978-5-521-94712-6

Решив подшофе вместе с друзьями вызвать ночью пиковую даму, я и представить не могла, что окажусь в Аду. Меня призвали, назвали фамильяром, и теперь я должна приглядывать за десятилетним чертякой из обнищавшего рода. И всё бы ничего: живем на окраине, грешим потихоньку, гоняем по двору приставучих инкубов, и я даже нашла пентаграмму, чтобы вернуться домой, но вот слишком умный демоненок решает подать свою кандидатуру на Адский трон... А претендентов там и без него немало

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94712-6

© Литнет, 2025
© А. Денира, 2025

Ровно в 11 часов вечера все уличные фонари выключали.

Мне было пятнадцать лет, и я находилась в том возрасте, когда подобное правило казалось злым умыслом, нежели способом экономии. Не скажу, что в деревне, где жила бабушка, было скучно, однако, единственным местом для развлечения был так называемый «центр» с новеньким парком, парочкой забегаловок и одноэтажным кинотеатром, лишенным киосков с попкорном. К девяти часам «центр» непременно заполнялся слоняющейся без дела молодежью, и мы с друзьями не были тем исключением, на которое стоит обратить внимание.

Помню, нашим местом для встречи всегда была больница. Зачем-то одеваясь в лучшую одежду, мы устремлялись в парк, предварительно меняя карманные деньги на вкусное мороженое в одном из продуктовых магазинов. И, пускай всю деревню можно было без труда обойти за сорок минут, наша компания не нарушала традиций, и устремлялась в эпицентр ровесников. Не помню тем наших всегда веселых разговоров, но, кажется, мы очень любили обсуждать актеров и смаковать по несколько раз пущенные кем-то от скуки сплетни.

Как и многие мои подруги, я хотела что-то изменить в своей внешности. Мои желания были необоснованными, но вполне стереотипными для пятнадцатилетнего возраста, и я яростно желала покрасить свои волосы в яркий цвет, чтобы после проколоть нос или губу. Я грезилась о парне, что почему-то всегда представлялся мне высоким блондином с большими беспроводными наушниками, и мой телефон извечно страдал от нехватки памяти, будучи наполненным популярными в то время песнями. Думаю, тогда я ничем не отличалась от других, пускай и считала себя особенной.

Вечерами было прохладно, и в кармане джинсовой куртки непременно лежала горсть семечек вперемешку с монетами. После наших посиделок под лавкой всегда оставалась шелуха, и в те года нам не хватало совести понять, насколько это было некультурно. Если

подумать, то в подростковом возрасте вообще мало что заботит, кроме собственных надуманных проблем. Нам нравилось рассказывать о бессоннице, которой мы даже не страдали, и депрессии, от которой уж точно были далеки. Наверное, это не так уж странно. Мы попросту желали казаться взрослыми.

Я любила эту деревню. Закаты здесь отчего-то были красивее и насыщеннее, и редко тишину оглушал рев машин. До реки мы всегда добирались на велосипедах, и проводили на пляже всё утро, любуясь после на сгоревшую красную кожу. Дома нас непременно ждали собранная на огороде клубника и вкусный ужин, фоном которому служила телевизионная передача и лай собак за окном многоквартирного трехэтажного дома.

С деревней меня связывает много воспоминаний, но одно из них затмило собой все остальные. И настолько странным и необычным был тот случай, что никогда в будущем я о нем не забывала.

Ровно в 11 часов вечера все уличные фонари выключали.

Возвращаясь из «центра», я сжимала в руке мобильник с включенным фонариком, чтобы осветить погруженную во мрак дорогу. Никогда прежде не оказывалась я в подобной кромешной тьме, где не было места ни фарам от машин, ни горящим окнам. В городе, где я жила и училась, свет был такой же неотъемлемой частью суматошной жизни, как дыхание, и витрины магазинов с высокими уличными фонарями освещали дороги до самого рассвета.

Я чувствовала себя героиней фильма ужасов или персонажем мрачной игры, в которой обязательным условием является хождение по лесу с включенным фонарем. Подобное сравнение всегда заставляло меня выбиваться в ряды олимпийских скороходцев. От страха я не могла послушать надоевшую музыку, и каждый раз, возвращаясь домой, я надеялась, что ко мне прибьется бродячая или же домашняя собака, сбежавшая со двора. С храбрым, как мне казалось, животным за спиной было чуть спокойнее, ведь они чувствуют опасность в отличие от меня.

В тот день мне повезло, и рядом со мной трусила большая черная собака, которую я часто подкармливала куриными косточками. Чтобы она не бросила меня на половине пути, я достала из небольшого рюкзака остатки печенья, которое та благодарно проглотила, соизволив сопровождать меня и дальше в ожидании новых лакомств.

Миновав частные, выложенные красным кирпичом дома, я вышла на пустой перекресток, сворачивая к местной школе, чтобы сократить путь. К сожалению, у её ворот стояла машина с громко играющей музыкой, и мне пришлось вернуться назад, чтобы пойти другой дорогой. Понимаю, что в деревне количество опасных людей стремится к нулю, однако, мои инстинкты самосохранения имели безграничную власть над телом. Отдав собаке последнее печенье в знак поощрения, я перешла на другую сторону, оказавшись рядом с магазином запчастей.

Детский плач сильно надавил на мои надпочечники, выбросив в кровь столько адреналина, что я решилась бежать. Мой страх был обоснован, ведь в округе не было ни одного дома, откуда мог бы раздаться этот звук, и не было в деревне чудаковатой матери, что выходила бы на прогулку с ребенком в кромешной тьме. В моей голове тотчас всплыли страшные фильмы, где призраки детей убивали незадачливых туристов, и я помчалась по дороге, с ужасом понимая, что плач становится лишь громче и ближе. Собака, что всё это время терпела мои спринтерские замашки, вдруг остановилась, приняв сторону, где шел старый белый забор.

Остановившись, я в ужасе смотрела, как мой телохранитель сворачивает с дороги. Если расскажу об этом завтра, мне никто не поверит, но торжественно клянусь отныне возвращаться домой раньше одиннадцати часов. В угрожающем, как мне казалось, жесте я выставила вперед телефон, пытаясь странным причмокиванием подозвать к себе собаку, но её черная фигура продолжала идти к забору, а младенческий плач я слышала настолько явно, будто бы сам ребенок был на расстоянии вытянутой руки.

Я пошла вперед. Вернулась, чувствуя вдруг необъяснимую вину. Вновь заставила себя отправиться дальше. Снова вернулась, взволнованно смотря на экран телефона, показывающего низкий заряд батареи. Направив свет в ту сторону, где я видела собаку, я сошла с дороги и зачем-то побежала по траве, будто бы это могло меня в непредвиденном случае спасти. Плач младенца стал таким громким, что я поморщилась и потеряла ухо. Это однозначно не галлюцинации, но значит ли это, что кто-то, как в Средние века, попросту бросил ребенка на улице за ненадобностью? Безусловно, вариант, где мать была героиней, спасающей дитя и отвлекающей врагов, не мог в тот момент посетить мою голову из-за ещё большей фантастичности.

Моё сердце стучало так быстро, что я без медицинских обследований решительно поставила себе в диагнозе тахикардию. Всё происходящее не укладывалось в моей голове, и, когда свет от фонарика упал вначале на спину собаки, а после на синий сверток, который она обнюхивала, я невольно издала вдох ужаса. Кто-то действительно оставил здесь ребенка!

Признаюсь честно, что в то мгновение моё тело будто охватил паралич. Я глупо смотрела на плачущую гримасу, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Что мне делать? Подобное событие казалось мне настолько невозможным и немыслимым, что из оцепенения меня вывел громко запищавший телефон: он разрядился и выключился. Я вновь оказалась в крошечной темноте, слушая громкий крик и чувствуя на своей ноге влияние собачьего хвоста. Наверное, стоит отнести его в больницу... Но как мне дойти до неё в этом раке, если я собственных ног не вижу?

Присев на корточки, я аккуратно выставила вперед руки, пытаясь нащупать сверток. Вот он, теплый и яростно кричащий. Сунув телефон в карман, я осторожно взяла ребенка на руки, припоминая, что этих созданий нужно обязательно придерживать за голову. Воняет серой. И гарью. Так сильно, что меня тошнит. И вот,

что удивительно, едва этот ребенок оказался на моих руках, крик тотчас прекратился, сменившись кряхтением и сопением. Я и подумать не могла, что всё так просто. В фильмах и сериалах женщины ещё долго качали детей на руках прежде, чем те соглашались на сон.

Сделав шаг вперед, я услышала тихий скулеж. Видимо, я наступила на лапу собаки, за что тут же попросила прощения. Придется идти медленно и осторожно, чтобы не упасть. Будет правильное вернуться домой, и поручить это дело бабушке, но, если подумать, то все брошенные дети отправляются в детский дом, которого в нашей деревне нет. Я думаю, это ужасно и отвратительно, вот так бросать собственного ребенка, оставляя его на улице на произвол судьбы! Мне так жалко стало этого несчастного кроху, что я ближе прижала к себе тёплый, даже горячий сверток.

Вернувшись домой, я миновала испытание укориженным взглядом, ведь глаза бабушки были направлены не на меня. После моего рассказа у неё поднялось давление, и она зачем-то позвонила моим родителям, поручив мне распеленать малыша. Он оказался таким пухлым и очаровательным, что на моём лице растянулась улыбка. Бойко сжав кулачки и стуча ножками по кровати, он старательно гулил, совсем не походя на новорожденного. Мы решили, что ему месяц, быть может, два.

Бабушка утверждала, что его мать была сумасшедшей не только потому, что поступила, как дикарка. Его волосы имели странный зеленоватый оттенок, а на лбу проступали два бугорка, отчего мы решили, что его здоровьем не только не занимались, но ещё и зеленкой без надобности красили. Под его нижней губой прямо по центру красовалась аккуратная родинка, а ногти были такими длинными, что бабушке пришлось изрядно над ними повозиться. Ну, и наслушались же мы его криков! Стоило бабушке взять его на руки, как маленький неженка издавал истошный вопль, отчего уже через час к нам стучались соседи. Но на моих руках он не плакал вовсе...

Именно поэтому всю следующую неделю таскала мальчика

только я. Слухи быстро разнеслись в каждый уголок, и в деревне воцарился настоящий переполох – настолько это происшествие казалось диким. Сердобольные женщины подарили нам молочные смеси и памперсы, но я знала, что уже через семь дней мы отправимся в город. Один из полицейских согласился отвезти нас туда, и предстоящая разлука казалась мне удручающей и грустной. Я не знаю, чем руководствовалась эта женщина из Средних веков, но своим поступком она испортила маленькую, только начинающуюся жизнь. И так обидно мне было тогда, словно бы это меня оставили у забора темной ночью.

С малышом мне было легко. Он улыбался, когда я с ним играла, внимательно смотрел на всё, что происходило вокруг, и давал высипаться по ночам, за что мы с бабушкой были ему искренне признательны. Моя фантазия давала мне возможность представить себя матерью-одиночкой, поэтому расставаться через неделю оказалось непросто. Безусловно, разговор о том, чтобы оставить малыша в нашей семье, я не заводила, заранее зная отрицательный строгий ответ.

Через неделю я передала спящего мальчика на руки женщины из детского дома. Я слышала его громкий крик, когда мы уже отправлялись назад, и, помню, тем вечером я даже плакала. К нашей радости через три дня мы узнали о том, что малыша кто-то усыновил, и я искренне надеялась, что теперь у него всё будет хорошо. Таким счастливым концом завершилась эта крайне странная история.

Не знаю, много ли добрых дел я совершила за свою недолгую жизнь, однако, тем поступком я горжусь по сей день. Кто бы мог подумать, что дорога в Ад действительно выстлана благими намерениями...

Глава названа «Эпилогом» не по ошибке. Это эпилог обычной жизни для Евы

Глава 1

Жизнь лишила меня возможности познать суть празднования новоселья. Но мысли о весёлом времяпрепровождении, должно быть, возникают именно в пропахшей клеем и краской квартире. По моему скромному мнению, гораздо разумнее отмечать день окончания ремонта, в который вкладывают кипы денег, тысячи нервных клеток и литры пота, преследуя эфемерную цель под названием «уют». Я называю её эфемерной именно потому, что считаю явлением преходящим.

Не считайте меня занудливой натурой, чьи философские взгляды не доступны простому счастливому человеку, ведь ещё четыре часа назад я активно участвовала в выборе кастрюль в подарок на новоселье, смеясь над самыми глупыми и порой пошлыми шутками. Наверное, я двулична, раз, переступая порог дома, превращаюсь из жизнерадостной и лучезарной девушки в апатичную и флегматичную особу, но так уж мне комфортнее находиться в современном обществе.

В свои двадцать пять лет я не считаю себя человеком взрослым и самостоятельным, каким пытаюсь казаться. Лишь год, как живу я отдельно от родителей, но в моей голове всё чаще проносятся мысли, что раньше было гораздо лучше. К сожалению, я так и не научилась жить настоящим, постоянно заглядывая в будущее, и вот, находясь в нем, я понимаю, что упустила что-то важное.

Эти угрюмые, но мимолетные мысли, вызваны плещущейся в стакане янтарной жидкостью, которую чья-то заботливая рука разбавляет темной колой. Я поднимаю голову и встречаюсь взглядом с бывшей однокурсницей, чьё новоселье – причина сбора половины нашей некогда дружной группы. Как удивительно, но жестоко разводит время некогда близких по духу людей.

– Убери это исчадие ада. У меня на него аллергия, – недоволь-

но бурчит наш староста, скидывая с колен добродушного толстого кота. – Будете и дальше его так кормить, он умрет от ожирения.

– Исчадие Ада – это ты! – вскрикивает моя подруга, не без труда поднимая Пушка на руки и выставляя его с привычного ореола обитания – кухни.

– Я виноват, что он весит не как Пушок, а как пушечное ядро?

Я смеюсь, отпуская свой организм в ещё большую развинченность очередным глотком. Это забавная шутка, мне она действительно нравится в отличие от многих других, где я улыбаюсь лишь затем, чтобы человек не чувствовал себя неловко. К своему огорчению, окончив университет, я встречаю исключительно лишенных юмора людей.

– Ты ведь в Египет с женой ездил этим летом. Почему молчишь и не рассказываешь?

– А вы и не спрашиваете, – привычно хмыкает староста, но складка между его бровями разглаживается, – однако, если вам действительно интересно... Что ж, мы жили в пятизвездочном отеле, каждый день купались в Красном море, гуляли по рынкам и...

– Ну, нет, – выглянул из другой комнаты Дементор. Кличка привязалась к нему отнюдь не из-за внешнего вида или агрессивного поведения, а из-за исключительной способности вытягивать из человека все силы и соки своими долгими и нудными рассказами. Обычную историю про покупку хлеба он мог описать в пяти актах, три из которых были непременно посвящены всем странно одетым прохожим.

– Что не так?

– Я требую честный обзор на этот отдых.

– Хорошо. Я обгорел на третий день, танцевал пьяным на детских мероприятиях, помогал арабам вытаскивать из ямы верблюда, сломал поручень в бассейне и утопил в море плавки.

– Тогда с уверенностью заявляю, что необходимый минимум ты выполнил.